

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2016 – 2017 учебный год
Заключительный этап**

**Первый тур
9 класс**

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

**Михаил Булгаков
(1891–1940)**

Псалом

Первоначально кажется, что это крыса царапается в дверь. Но слышен очень вежливый человеческий голос:

– Можно войти?

– Можно, пожалуйста.

Поют дверные петли.

– Иди и садись на диван.

(От двери). – А как я по паркету пойду?

– А ты тихонечко иди и не катайся. Ну-с, что новенького?

– Нициво.

– Позвольте, а кто сегодня утром ревел в коридоре?

(Тягостная пауза). – Я ревел.

– Почему?

– Меня мать наслёпала.

– За что?

(Напряжённая пауза). – Я Сурке ухо укусил.

– Однако.

– Мама говорит, Сурка – негодяй. Он дразнит меня, копейки поотнимал.

– Всё равно, таких декретов нет, чтоб ~~из~~-из-за копеек уши людям кусать. Ты, выходит, глупый мальчик.

(Обида). – Я с тобой не возусь.

– И не надо.

(Пауза). – Папа придет, я ему скажу. (Пауза). – Он тебя застрелит.

– Ах, так! Ну, тогда я чай не буду делать. К чему? Раз меня застрелят...

– Нет, ты чай делай.

– А ты выпьешь со мной?

– С конфетами? Да?

– Непременно.

– Я выпью.

На корточках два человеческих тела – большое и маленькое. Музыкальным звоном кипит чайник, и конус жаркого света лежит на странице Джером Джерома.

– Стихи-то ты, наверно, забыл?

– Нет, не забыл.

– Ну, читай.

– Ку...Куплю я себе туфли...

– К фраку.

– К фраку, и буду петь по ночам...

– Псалом.

– Псалом... и заведу... себе собаку...

– Ни...

– Ни-ци-во-о...

– Как-нибудь проживём.

– Нибудь как. Пра-зи-вё-ем.
– Вот именно. Чай закипит, выпьем, проживём.
(Глубокий вздох). – Пра-зи-вё-ем.
Звон. Джером. Пар. Конус. Лоснится паркет.
– Ты одинокий.
Джером падает на паркет. Страница угасает.
(Пауза). – Это кто же тебе говорил?
(Безмятежная пауза). – Мама.
– Когда?
– Тебе пуговицу когда присивала. Присивала. Присывает, присывает и говорит Натаске...
– Тэк-с. Погоди, погоди, не вертись, а то я тебя обварю... Ух!..
– Горячий, ух!
– Конфету какую хочешь, такую и бери.
– Вот я эту больсую хоцу.
– Подуй, подуй и ногами не болтай.
(Женский голос за сценой). – Славка!
Стучит дверь. Петли поют приятно.
– Опять он у вас. Славка, иди домой!
– Нет, нет, мы с ним чай пьём.
– Он же недавно пил. (Тихая откровенность). – Я ...не пил.
– Вера Ивановна. Идите чай пить.
– Спасибо, я недавно...
– Идите, идите, я вас не пущу...
– Руки мокрые...бельё я вешаю...
(Непрошенный заступник). – Не смей мою маму тянуть.
– Ну, хорошо, не буду тянуть... Вера Ивановна, садитесь...
– Погодите, я бельё повешу, тогда приду.
– Великолепно. Я не буду тушить керосинку.
– А ты, Славка, выпьешь, иди к себе. Спать. Он вам мешаает.
– Я не месаю. Я не салю.
Петли поют неприятно. Конусы в разные стороны. Чайник безмолвен.
– Ты уже спать хочешь?
– Нет, я не хоцу. Ты мне сказку Расскажи.
– А у тебя уже глаза маленькие.
– Нет. Не маленькие, Расскажи.
– Ну, иди сюда, ко мне. Голову клади. Так. Сказку? Какую же тебе сказку рассказать? А?
– Про мальчика, про того...
– Про мальчика? Это, брат, трудная сказка. Ну, для тебя, так и быть. Ну-с, так вот, жил, стало быть, на свете мальчик. Да-с. Маленький, лет так приблизительно четырёх. В Москве. С мамой. И звали этого мальчика Славка.
– Угу... Как меня?
– Довольно красивый, но был он, к величайшему сожалению, – драчун. И дрался он чем ни попало – кулаками, и ногами, и даже калошами. А однажды на лестнице девочку из 8-го номера, славная такая девочка, тихая, красавица, а он её по морде книжкой ударил.
– Она сама дерётся...
– Погоди. Это не о тебе речь идёт.
– Другой Славка?
– Совершенно другой. На чем, бишь, я остановился? Да... Ну, натурально, пороли этого Славку каждый день, потому что нельзя же, в самом деле, драки позволять. А Славка всё-таки не унимался. И дошло дело до того, что в один прекрасный день Славка поссорился с Шуркой, тоже мальчик такой был, и, недолго думая, хватя его зубами за ухо, и пол-уха – как не бывало. Гвалт тут поднялся, Шурка орёт, Славку порют, он тоже орёт... Кой-как приклеили Шуркино

ухо синдетиконом, Славку, конечно, в угол поставили... И вдруг – звонок... И является совершенно неизвестный господин с огромной рыжей бородой и в синих очках и спрашивает басом: «А позвольте узнать, кто здесь будет Славка?» Славка отвечает: «Это я Славка». – «Ну, вот что, – говорит, – Славка, я – надзиратель над всеми драчунами, и придется мне тебя, уважаемый Славка, удалить из Москвы. В Туркестан». Видит Славка, дело плохо, и чистосердечно раскаялся. «Признаюсь, – говорит, – что дрался, я и на лестнице играл в копейки, и маме бессовестно наврал – сказал, что не играл... Но больше этого не будет, потому что я начинаю новую жизнь». – «Ну, – говорит надзиратель, – это другое дело. Тогда тебе следует награда за чистосердечное твое раскаяние». И немедленно повёл Славку в наградной раздаточный склад. И видит Славка, что там видимо-невидимо разных вещей. Тут и воздушные шары, и автомобили, и аэропланы, и полосатые мячики, и велосипеды, и барабаны. И говорит надзиратель: «Выбирай, что твоя душа хочет». А вот что Славка выбрал, я и забыл...

(Сладкий, сонный бас). – Велосипед!..

– Да, да, вспомнил – велосипед. И сел немедленно Славка на велосипед и покатил прямо на Кузнецкий мост. Катит и в рожок трубит, а публика стоит на тротуаре, удивляется: «Ну и замечательный же человек этот Славка. И как он под автомобиль не попадёт?» А Славка сигналы даёт и кричит извозчикам: «Право держи!» Извозчики летят, машины летят, Славка нажаривает, и идут солдаты и марш играют, так что в ушах звенит...

– Уже?..

Петли поют. Коридор. Дверь. Белые руки, обнажённые по локоть.

– Боже мой. Давайте, я его раздену.

– Приходите же. Я жду.

– Поздно...

– Нет, нет...И слышать не хочу...

– Ну хорошо.

Конусы света. Начинает звенеть. Выше фитили. Джером не нужен – лежит на полу. В слюдяном окне керосинки – маленький радостный ад. Буду петь по ночам псалом. Как-нибудь проживём. Да, я одинокий. Псалом печален. Я не умею жить. Мучительнее всего в жизни – пуговицы. Они отваливаются, как будто отгнивают. Отлетела на жилете вчера одна. Сегодня одна на пиджаке и одна на брюках сзади. Я не умею жить с пуговицами, но я всё вижу и всё понимаю. Он не приедет. Он меня не застрелит. Она говорила тогда в коридоре Наташке: «Скоро вернётся муж, и мы уедем в Петербург». Ничего он не вернётся. Он не вернётся, поверьте мне. Семь месяцев его нет, и три раза я видел случайно, как она плачет. Слёзы, знаете ли, не скроешь. Но только он очень много потерял от того, что бросил эти белые, тёплые руки. Это его дело, но я не понимаю, как же он мог Славку забыть.

Как радостно спели петли.

Конусов нет. В слюдяном окошке – чёрная мгла. Давно замолк чайник. Свет лампы тысячью маленьких глазков глядит сквозь реденький сатинет.

– Пальцы у вас замечательные. Вам бы пианисткой быть.

– Вот поеду в Петербург, опять буду играть.

– Вы не поедете в Петербург... У Славки на шее такие же завитки, как и у вас... А у меня тоска, знаете ли. Скучно так, чрезвычайно как-то. Жить невозможно. Кругом пуговицы, пуговицы, пуго...

– Не целуйте меня... не целуйте... мне нужно уходить... Поздно...

– Вы не уйдёте. Вы там начнете плакать. У вас есть эта привычка.

– Неправда. Я не плачу. Кто вам сказал?

– Я сам знаю. Я сам вижу. Вы будете плакать, а у меня тоска... тоска...

– Что я делаю... что вы делаете...

Конусов нет. Не светит лампа сквозь реденький сатинет. Мгла. Мгла.

Пуговиц нет. Я куплю Славке велосипед. Не куплю себе туфли к фракку, не буду петь по ночам псалом. Ничего, как-нибудь проживём.

Синие гусары

1

Раненым медведем
мороз дерёт.
Санки по Фонтанке
летят вперёд.
Полоз остёр –
полосатит снег.
Чьи это там
голоса и смех?
– Руку на сердце
своё положи,
я тебе скажу:
– Ты не тронь палаша!
Силе такой
становись поперёк,
ты б хоть других –
не себя – поберёг!

2

Белыми копытами
лёд колотя,
тени по Литейному
дальше летят.
– Я тебе отвечу,
друг дорогой,
Гибель не страшная
в петле тугой!
Позорней и гибельней
в рабстве таком
голову выбелив,
стать стариком.
Пора нам состукнуть
клинок о клинок:
в свободу – сердце
моё влюблено.

3

Розовые губы,
витой чубук,
синие гусары –
пытай судьбу!
Вот они, не сгинув,
не умирав,
снова

собираются
в номерах.
Скинута ментики,
ночь глубока,
ну-ка, запеньте-ка
полный бокал!
Нальём и осушим
и станем трезвей:
– За Южное братство,
за юных друзей.

4

Глухие гитары,
высокая речь...
Кого им бояться
и что им беречь?
В них страсть закипает,
как в пене стакан:
впервые читаются
строфы «Цыган».
Тени по Литейному
летят назад.
Брови из-под кивера
дворцам грозят.
Кончена беседа,
гони коней,
утро вечера
мудреней.

5

Что ж это,
что ж это,
что ж это за песнь?
Голову на руки
белые свесь.
Тихие гитары,
стыньте, дрожа:
синие гусары
под снегом лежат!
1926